

НА ГОРИЗОНТЕ — МАВРИКИЙ

ОЛУОБНАЖЕННЫЙ матрос-индиец, сидя на бухте просмоленного каната время от времени наклонялся вперед и жадно припадал к зажатой в кулаке самокрутке. Его мускулистое, оливкового цвета тело, казалось, было иссушено солнцем и знойными ветрами тропиков. Грязно-серая тряпица прикрывала узкие бедра, неровной полоской разделяя торс и длинные, словно вырубленные скульптором-недоучкой из дерева, ноги. Орлиный нос, глубоко запавшие глаза и крошечный рот делали этого человека похожим на хищную птицу.

Именно таким мне запомнился Надир, когда я впервые увидел его на небольшом грузовом суденышке, которое, несмотря на свою далеко не современную оснастку, совершает многодневные рейсы по просторам Индийского океана. Надир был так поглощен своим занятием, что, по-моему, не обратил никакого внимания на команду: «Отдать швартовы!». И лишь когда судно отошло от берега мили на две, он лениво швырнул за борт погасший окурок, поднялся и, застучав пятками босых ног по еще не просохшей после приборки палубе, спустился на полубак.

— И что за интерес у этих господ мотаться по морям? — бросил он по-английски другому матросу, чуть наклонив голову в мою сторону.

Ветер донес до меня ответную фразу:

— Белые. Все открывают давно открытое. Сидели бы дома...

Наше судно уже часа два как набрало предельный ход. Где-то почти под ногами ровно гудят маломощные машины, пахнет соляной, морем и просмоленным деревом. Океан далеко простирается спокойной свинцовой глыбой, за которую медленно оседает багряный диск экваториального солнца.

Я достал из портфеля карту и, повернувшись спиной к ветру, стал отыскивать на ней остров Маврикий.

— Меня зовут Надир. — С долей фамильярности матрос протянул мне руку и, присев на корточки, добавил: — Уроженец Маврикия...

Карта, да еще на незнакомом языке, привлекла других томящихся от зноя и безделья матросов. Почти все индийцы доволь-

но бойко болтали по-английски, хотя поначалу могло показаться, что их язык не имеет ничего общего с тем, на котором говорят в Европе или Америке.

— Ма-ри-ки, — как-то нараспев произнес Надир и ткнул коричневым крючковатым пальцем в крошечную точку на карте.

Заговорили разом все, перебивая друг друга и жестикулируя. Надир на своих почти негнущихся тощих ногах заковылял к рубке. Судя по всему, пришла пора его вахты.

Через несколько часов показались очертания далекой земли. Выглянув из рубки, слегка придерживая отшлифованный наждачно-грубыми руками рулевых штурвал Надир крикнул: «Смотрите сэр, Маврикий!». Матросы, окружавшие меня, согласно закивали головами, загудели: «Маврикий, Маврикий».

Маврикий... Большую и сложную историю прошел народ, а точнее говоря, народы этого острова, лежащего на пересечении

Французами остров был превращен в сплошную плантацию сахарного тростника. На плодородных землях работали от зари до зари поначалу рабы, вывозимые из Африки, а затем нищие, бесправные кули, завербованные обманным путем в Индии, Пакистане и других странах. Вот почему так неоднороден в этническом отношении этот затерянный в океане остров: на нем сейчас живет примерно 550 тысяч индейцев, 250 тысяч креолов (лиц афро-европейского и индо-европейского происхождения), около 28 тысяч китайцев, незначительное число арабов и метисов (франко-маврикийцев) и немногим более 10 тысяч европейцев. Нынешний премьер-министр Маврикия С. Рамгулам — индиец. По образованию он врач, окончил медицинский колледж в Англии. С. Рамгулам возглавляет Лейбористскую партию, имеющую большинство в коалиционном правительстве. Но к деятельности правительства мы еще вернемся.

ЗАТЕРЯННЫЙ В ОКЕАНЕ

В. КАССИС

торговых путей между Африкой и Азией в юго-западной части Индийского океана. Маврикий не случайно всегда называли «ключом к Индийскому океану». В 1598 году остров захватили голландцы и назвали его в честь принца Мориса (Маврикия) Нассау. Потом он стал французской колонией. А с 1810 года вплоть до 12 марта 1968 года здесь хозяйничали представители британской короны.

Наше суденышко уже вошло в бухту и пришвартовалось у пирса столицы острова — Порт-Луи. Сойдем на берег...

ОКЕАН И САХАР

Вот, пожалуй, два слова, которые прежде всего приходится слышать, попав на остров Маврикий. С незапамятных времен его

жители связаны с рыбным промыслом и разведением сахарного тростника.

Практически 90 процентов всех обрабатываемых земель Маврикия занято плантациями сахарного тростника. На остальных землях в незначительных количествах выращивают чай, табак, ваниль, кофе, масличную пальму. Производство сахара было сосредоточено в руках известной английской монополии «Колониал шугар рифайнинг» и некоторых других сахарных компаний, размерами и капиталами поменьше. Экспортно-импортные операции тоже находились во власти английских дельцов. Маврикий всегда оставался островом аграрным, с монокультурным хозяйством, низкой производительностью труда. До наших дней здесь недостает основного продукта питания населения — риса. Страна ежегодно вынуждена ввозить до 100 тысяч тонн риса и муки.

Казалось бы, у жителей Маврикия должно быть изобилие рыбы: кругом океан. Ан, нет! Для рыбного промысла необходимо иметь хорошо оснащенный флот. Но это — дело будущего. Пока же столицу Маврикия используют в своих целях японские рыбопромышленники. Они ведут отлов ценных пород океанских рыб вне пределов территориальных вод Маврикия, а улов доставляют в Порт-Луи. Здесь подсобные рабочие в специальных помещениях разделяют, расфасовывают океанскую добычу, замораживают ее и периодически отправляют на рефрижераторах в страны Европы, в США.

— Сейчас для нас сахарный тростник — самая доходная культура, — рассказывал мне крестьянин Кумар. — Сами понимаете, для того чтобы возделывать какую-либо новую культуру, нужны и деньги и опыт. А у нас пока всего этого нет.

Другой житель деревни (он называл себя старостой) сказал так:

— Если бы сто или двести лет назад здесь посадили одни кофейные деревья или чайные кусты, мы занимались бы сбором кофе и чая поныне. Но справедливости ради должен заметить: на остров частенько обрушиваются свирепые штормы. Для иных сельскохозяйственных культур, для тех же пальм, это дело губительное. А сахарный тростник — растение привычное к ураганам: пригнется к земле зеленой волной, замрет на ветру, а когда шквал пронесется, снова выпрямляется.

БУМАЖНЫЙ ХОРОВОД И РЕАЛЬНОСТЬ

Красив в свете ранней зари город Порт-Луи. Плещется у его ног океан, над крышами домов шелестят листьями пальмы, умытые дождем улицы чисты и неторопливы до определенного часа. Но вот этот час настает: в город с окраин врывается лавина автомашин самых различных марок; куда-то спешат велосипедисты, кричат разносчики фруктов, пряностей; задымились жаровни уличных ресторанчиков; со скрежетом поднимаются над витринами магазинов жалюзи... Начинается трудовая жизнь города, страны.

В министерствах, ведомствах и банках чиновники на английский манер раскладывают по плетеным корзиночкам, стоящим на столах, бумажки, циркуляры, бухгалтерские отчеты: слева от чиновника корзиночка с надписью «ин» (входящая), справа — «аут» (исходящая). Получит чиновник через посыльного какую-то бумажку в корзиночку «ин», возьмет ее, повертит в руках, что-то зачеркнет или впишет и бросит небрежно в корзиночку «аут». Другой посыльный тут же перенесет ее на стол к соседнему клерку. Так и циркулируют босоногие посыльные (часто мальчишки) целый рабочий день от стола к столу, а бумажки — со стола на стол. Смотришь на эту забавную карусель и невольно думаешь: как они не запутаются в этом сложном бумажном хороводе! Но мысли приходят и посерьезнее: документ документу рознь. Один — так себе, может быть, и ничего особенного не значит, а другой может нести в себе заряд значительной политической или экономической силы.

Маврикий стал независимым государством. Теперь здесь есть свое правительство, существует свое законодательство. У людей появились новые права. Но ведь до сих пор это государство сталкивается со многими проблемами, характерными для молодых развивающихся стран. Мне говорили, что правительство предпринимает определенные усилия для того, чтобы укрепить экономическую самостоятельность, развить собственную национальную промышленность, поднять уровень сельскохозяйственного производства, уйти от страшного бича — безработицы. Но сохраняющаяся зависимость от западных государств еще в значительной степени создает препятствия на пути решения этих жизненно важных задач.

Англия до сего времени сохраняет здесь немалое влияние. Существует, например, так называемый Договор об обороне, согласно которому Лондон должен оказывать «нужную помощь» при внутривнутриполитических «обострениях обстановки» или «беспорядках», а также в случае «угрозы нападения извне». Англия осталась не только главным партнером острова в торговле — на британские острова идет почти весь сахар — главой государства Маврикий считается, хотя и формально, английская королева, а бывший губернатор официально именуется «представителем королевы Англии». В этих условиях говорить о реальной власти премьер-министра довольно трудно. Не случайно в одном из своих публичных заявлений министр иностранных дел Англии Алек Дуглас-Хьюм, рассуждая о политике тори в районе Индийского океана, подчеркнул, что его правительство не отступится там, где «Англия имеет жизненно важные интересы». Сэр Алек знал, что имел под этим в виду. Кому-кому, а министру иностранных дел хорошо известно, что через воды, где лежит Маврикий, проходит почти 50 процентов европейской нефти, 90 процентов — японской и 80 процентов — африканской и что в этом плане Маврикий, по свидетельству обозревателя «Нью-Йорк таймс» Сульцбергера, «имеет очень важное значение».

Сэр Алек знает и стратегическую цену острову. А как привязать его к своей колеснице, колонизаторов учить не надо. В новых условиях, когда та или иная страна добивается независимости политической, на нее поскорее стараются накинута экономическую узда. Именно этой тактики и придерживаются в отношении Маврикия на берегах Темзы.

БУДЕТ ЛИ СВОЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

Вопрос этот далеко не однозначный. Но сказать «да» уже можно. Предпосылки к тому имеются. А вот о темпах промышленного подъема в стране приходится говорить с осторожностью. Как отмечает «Жён Африк», «политические противники обвиняют премьер-министра С. Рамгулама в проведении коллаборационистской политики по отношению к могущественным в финансовом отношении державам». Тот же журнал указывает: «Вызывает

большое опасение будущее Маврикия, связанное с проблемой сахара. Лейбористы по-прежнему придерживаются политики «нерегулируемой экономики». Правительство оказалось не в состоянии справиться с растущей безработицей, достигшей в последнее время тревожных размеров».

В департаменте информации нам сообщили, что одной из многих бед Маврикия является сильная перенаселенность: 850 тысяч человек проживает на территории 1850 квадратных километров, то есть 459 человек на один квадратный километр. Поистине рекордная цифра плотности населения! Немало неудобств доставляет и разноязычность населения, существование различных политических групп. Официальным языком в учреждениях является по-прежнему английский. На улице, в магазинах, на рынке приходилось слышать французский, хинди, урду, китайский. В целом все это способствует разобщенности людей, мешает им решать жизненно важные проблемы в области экономики, культуры.

В порту мы познакомились с 28-летним маврикийцем Маникамом. Он оказался словоохотливым собеседником. На вопрос, как вели себя на острове английские колонизаторы, он ответил:

— Они прежде всего пользовались правом сильного. Понастроили коттеджей, вилл, церквей, отелей, водных бассейнов, клубов. С утра до вечера и с вечера до утра их охраняли солдаты. Боялись демонстраций, сходок до ужаса. Особенно внимательно наблюдали за портом: здесь больше всего рабочих, которые вольно или невольно общаются с матросами судов, приходящих из других стран, знают о всех событиях на других континентах. Англичане панически опасались взрыва народного гнева. В более поздний период, незадолго до предоставления острову независимости, они начали строить новые военные казармы, соединили Маврикий подводным телефонным кабелем с Мадагаскаром и расистской Южно-Африканской Республикой. Потом в порт стали приходить американские грузовые суда. На палубах — бульдозеры, паровые молоты, мощные самосвалы, транспортеры. Мы сначала не могли понять, для каких целей ввозится эта техника. Все держалось в строжайшей тайне. А потом выяснилось: здесь решили строить базу наблюдения за спутниками-шпионами: англичане вошли в пай с американскими генералами.

Мы попросили Маникама рассказать о проблеме безработицы.

— Это действительно большая проблема. Сейчас в стране около 50 тысяч человек обивают пороги предприятий, складов, администрации порта. Это примерно 14 процентов трудоспособного населения Маврикия. Что их ждет в будущем? — как бы раздумывая, спросил он сам себя. — Три-четыре процента людей еще может устроиться на поденную работу. А прочим остается только ждать и надеяться.

— А есть на что надеяться?

Маникам поморщил лоб, посмотрел на свои руки, потом заговорил негромким голосом:

— Безработица создает рынок дешевой рабочей силы. Этим обстоятельством частенько пользуются западные предприниматели. Вот, например. Швейцарские часы известны на весь мир. Но мало кто знает, что искусственные рубины, которые имеются в хороших часовых механизмах, проходят специальную обработку на Маврикии. Рубины привозят на остров из Швейцарии как полуфабрикаты, а увозят готовыми к запресовке в часовые механизмы. — Маникам многозначительно поднял палец правой руки вверх и продолжал: — Так и во всем. Западные дельцы никогда не хотели, чтобы у нас развивалась своя промышленность. Нашу страну в Лондоне всегда рассматривали как сырьевой придаток.

Я заметил, что мне уже приходилось слышать подобное из уст иных западноевропейских дельцов, которые весьма заинтересованы в использовании Маврикия в качестве центра переработки сырья, предназначенного для стран Тихого океана. Объясняют они это тем, что подобная тактика позволяет значительно экономить на оплате труда рабочих и перевозок.

— Но опять-таки это выгодно западным предпринимателям, а не рабочим Маврикия. Чтобы по-настоящему бороться с безработицей, за повышение жизненного уровня, нам нужны свои заводы и другие предприятия. Кое-что уже сделано в этом направлении. Так, например, на острове открыты фабрики по производству сигарет, аккумуляторов, металлических оконных и дверных рам, кузнечный цех. Это лишь начало. Но мы оптимистически смотрим на вещи. Ведь главное позади: Маврикий завоевал независимость политическую, а борьба за независимость экономическую продолжится.

Снова под ногами дрожащая в каком-то тропическом ознобе палуба, синее небо над головой и пристальный взгляд глубоких глаз Надира.

— Понравился наш остров?

— Конечно, только времени было маловато. Хорошо бы пожить здесь с месячишко...

— Что же мешает? Теперь-то я знаю, что вы русский. Вы не первый на острове из Советского Союза. Это хорошо. Русские не такие белые, которые «открывают давно открытое». — (Я понял, что он пытался как-то извиниться за свой предыдущий разговор с приятелем-матросом.) — Русские с нами торгуют, мы нефть у вас покупаем. Извините, если что не так сказал. До встречи, на вахту пора...

Он застучал по дощатой палубе голыми пятками прямых, точно палки, ног и скрылся в рубке. А я задумался. Действительно, неплохо было бы подольше побывать на острове, получше ознакомиться с жизнью и бытом его разноплеменного населения. Но в целом обстановка была понятна. В огромных афро-азиатских районах нашей планеты английские капиталовложения исчисляются миллиардами фунтов стерлингов, а дивиденды от этих миллиардов, получаемые Лондоном, определяются сотнями миллионов. Вот и пекутся сегодня на берегах Лондона о том, каким образом упрочить свое «присутствие» в районах «к востоку от Суэца», улучшить условия наиболее выгодно вложения своих капиталов и сохранить беспрепятственное поступление прибылей в свои банки. А для этого необходимо заключать «договоры об обороне», обеспечивать себе право «оказывать необходимую помощь» при внутривнутриполитических «беспорядках» — иными словами, сохранять влияние там, где можно подзаработать за счет дешевого труда рабочих бывших колоний. Маврикий в этом плане — наглядный пример. Маврикий — это плацдарм, на котором орудуют неокOLONIZаторы.

И чем скорее народы этой страны разгадают все махинации за океанского хищника, принявшего новое обличье, тем быстрее они смогут создать независимую национальную экономику, улучшить собственную жизнь.